
Глава 2

«Повелитель призраков» — звучит, конечно, грозно.

А на деле — ребячество и дешёвый пафос.

Даже в те годы, когда его собственная подростковая дурь не знала границ, а буйная фантазия рисовала самые нелепые картины, Фу Цанчжоу считал себя самым заурядным человеком. Теперь же, умудрённый жизненным опытом — как ему казалось, — он и вовсе ценил земную простоту.

Возможно, где-то в глубине его души и таился стержень, но в обычные дни он предпочитал твёрдо стоять на земле и не витать в облаках. Сказать мягко — умел вовремя приспособиться к обстоятельствам. А если начистоту...

«Просто трусоват».

Поэтому к этой великой цели — сделаться каким-то там повелителем призраков — он первым делом отнёсся с глубоким сомнением.

Ладно бы просто несбыточная мечта. Будь у него сейчас выбор, он бы не променял тихую долю на все короны и троны мира. Ему хотелось лишь одного: снова, как прежде, честно и мирно жить человеком.

«Обычная, незаметная жизнь... Но живая».

«Из плоти и крови, как у миллионов других людей вокруг».

Но даже это скромное желание сейчас казалось недостижимым.

Может...

Всё-таки придётся положиться на эту чёртову Систему?

Понятие «Система» было для него одновременно близким и чуждым.

Будучи типичным дитём интернета, Фу Цанчжоу в прежней жизни не только пропадал в играх, но и запоем читал сетевые романы. Как читатель, он обожал наблюдать, как главные герои с помощью разного рода «читерских штучек» крушат врагов направо и налево. Временами он и

сам не прочь был обзавестись подобным даром.

Однако столкнувшись с этим чудом наяву, он ощутил не радость, а глухую тревогу. Слишком уж соблазнительным казался пирог, упавший прямо с неба, чтобы откусить от него без опаски.

Всему виной — простая истина: бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Равноценный обмен — это правило понимает даже первоклассник.

Читая когда-то книги про всемогущие системы, Фу Цанчжоу нет-нет да задавался вопросами: откуда они берутся? Зачем созданы? Почему достаются именно этому конкретному человеку? Некоторые авторы давали объяснения, другие же попросту заставляли героя крушить мир без лишних предисловий, так и не раскрыв тайну происхождения его силы до самого финала.

Конечно, художественный вымысел — это не научный трактат, здесь излишняя придирчивость ни к чему. Но порой его воображение уносило совсем в мрачные дебри.

Что, если по окончании всей истории главный герой вдруг поймёт, что его божественный дар был лишь красивой приманкой, за которой скрывался зловещий заговор?

От подобных мыслей мороз шёл по коже.

Как бы то ни было, все эти рассуждения прекрасно описывали нынешнее состояние Фу Цанчжоу. Он метался между сомнением и страхом. Внезапно обретённое сокровище пугало его своей неизвестностью.

Впрочем, это вовсе не значило, что из чистой боязни он собирался наотрез отказаться от подарка судьбы. Скорее...

—... Милостивый господин?

Фу Цанчжоу поспешно стряхнул наваждение.

Ладно. С этой «Системой выращивания повелителя призраков» он пока повременит. Будет наблюдать со стороны.

С самого момента переноса в этот мир он пребывал в полнейшем смятении. Шагу нельзя ступить без оглядки, осторожность сейчас — лучший союзник. Ему ведь едва исполнилось девятнадцать, и в подобные переплёты он прежде не попадал.

— Простите, — обратился он к трактирному слуге. — Так сколько, вы говорите, стоит постоя?

Коридорный окинул его удивлённым взглядом:

— Да я ж только что сказывал, сударь. Лучшие покои — четыреста медников за ночь, средние — сто пятьдесят, а за простые нары в общем покое всего полсотни просим.

— Виноват, задумался, — смущённо пробормотал юноша. Недолго поколебавшись, он решился:

— Тогда... давайте средние. На одну ночь... нет, пожалуй, запишите сразу на две.

— Будет исполнено, сударь! Извольте пройти за мной.

Фу Цанчжоу незаметно осматривался.

Ещё на речном судне он слышал, будто Циньчжоу славится краем богатым и изобильным. Убранство этого постоялого двора действительно выглядело куда внушительнее скромных крестьянских лачуг, мимо которых он проходил прежде. И всё же на взгляд человека из двадцать первого века здесь царила первобытная скудность.

Немного помучившись сомнениями, он всё-таки решил позволить себе маленькую роскошь. Четыреста медных монет за верхние комнаты показались непомерной ценой, а вот средний класс пришёлся в самый раз.

... И как же хорошо, что он не поскупился.

Условия здешнего быта, разумеется, не шли ни в какое сравнение с привычным современным комфортом. Комнатка оказалась ещё теснее и проще, чем он рисовал в воображении. Крошечный закуток, отгороженный от коридора тонкими деревянными досками. Почти всё пространство занимала кровать. Для короткого отдыха сойдёт, к тому же угол всё-таки отдельный.

Дешёвая ночлежка за полсотни монет, как мимоходом обмолвился слуга, представляла собой огромную общую палату, где постояльцы спали бок о бок на широких деревянных нарах. Делить ложе с толпой незнакомцев Фу Цанчжоу не смог бы при всём желании.

Особенно если учесть, что чистоплотностью люди этой эпохи явно не отличались. Стоило лишь представить душный дух, который намертво въестся в одежду за одну только ночь, как к горлу подступала тошнота.

— Желаете ли ещё чего, сударь? — Коридорный не торопился уходить.

Поразмыслив, Фу Цанчжоу жестом пригласил его присесть на табурет и принялся расспрашивать о местных порядках. Его интересовало всё: и сам Циньчжоу, и столица, куда

держал путь покойный Учёный Фу, и здешнее государство, и прочие тонкости этого неведомого мира.

Современный юноша, привыкший общаться через безликий экран компьютера, в живой беседе чувствовал себя робко и неловко. К счастью, трактирный служка попался на редкость речистый, сметливый и словоохотливый. Он охотно делился новостями, отвечая на любой вопрос без утайки.

Благодаря его болтовне Фу Цанчжоу за короткое время узнал массу полезного.

Оказалось, здешнее государство зовётся Государством Юй. Правящий ныне император — муж на редкость добродетельный и неутомимый в трудах на благо народа, так что жизнь в поднебесной течёт сытно и спокойно.

А ведь когда-то простым людям приходилось солоно. При его двоюродном деде, императоре Си-цзуне, страну едва не пустили по миру. Этим воспользовались коварные соседи — народ Сянь, которые в те смутные годы оттяпали у Государства Юй семнадцать северных округов.

Покойный государь Жуй-цзун, не на шутку разгневанный никчёмностью Си-цзуна, сплотил вокруг себя двор и войско да и сверг непутёвого дядю с престола.

Жуй-цзун, подобно нынешнему императору, отличался великой мудростью. За тридцать четыре года своего правления он положил немало сил, чтобы собрать воедино и укрепить шатающееся государство. В преклонные годы Жуй-цзуна страну постигли жестокие неурожаи и голод. Злокозненные сяньцы решили воспользоваться моментом и, сговорившись с северными жунами и Западными, двинулись на Юй войной. Да только просчитались: остались у разбитого корыта.

Доблестные воины Государства Юй не только прогнали захватчиков вон, но и под шумок вернули исконные земли — округа Чжаочжоу и Циньчжоу.

Десять лет назад мудрый Жуй-цзун отошёл в мир иной, и трон унаследовал нынешний император. Шёл девятый год его девиза правления — Чунси.

На второй год Чунси под началом непобедимого Главного чемпионского генерала императорское войско сокрушило врага и вернуло под власть короны восемь округов Цинлинь, так долго томившихся под гнётом сяньцев.

Видно, сами боги благоволили государству Юй!

Рассказывали, будто в те дни, когда Главный чемпионский генерал оказался заперт в осаждённом городе Хуйчэн, с небес внезапно пролился огненный дождь, разом испепеливший больше половины вражеской орды.

А кто же этот генерал?

Да сам принц Хэн! Его грозное имя наводило такой ужас, что им пугали непослушных детей — поговаривали, лицом он страшнее самого свирепого демона из преисподней.

Несмотря на эту жуткую маску, принц Хэн оставался любимым сыном покойного Жуй-цзуна и единоутробным братом нынешнего государя, который доверял ему как самому себе.

Едва принцу исполнилось восемнадцать, он отправился на рубежи, где сразу получил из рук отца звание Главного чемпионского генерала — неслыханная почест, которой не достаивался ни один царевич с момента основания династии.

Ныне прославленные Восемнадцать лагерей тигриной отваги — стодвадцатитысячное войско — были созданы и обучены лично принцем Хэном и беспрекословно подчинялись его воле. В народе эту грозную силу попросту именовали Орлиной стражей.

Имя Орлиной стражи заставляло трепетать не только разбойников да воров. Вольные ордена и школы боевых искусств — весь этот неукротимый цзянху — бледнели при одном упоминании о гвардейцах.

Что за школы? Да не счесть их: взять хоть Школу Пещерной Пустоты или Орден Золотого Сияния.

Люди из цзянху вечно ищут повод для драки, и для владельцев постоянных дворов и чайных нет хуже беды, чем наплыв этих бродячих воителей. К счастью, под строгим надзором Орлиной стражи даже самые буйные удалцы не осмеливались заходить слишком далеко...

От обилия имён и названий у Фу Цанчжоу кругом шла голова.

Составив общее представление о здешнем мире, он поспешил перевести разговор со свободных воителей цзянху на дела более приземлённые и насущные: еду, одежду, дорогу и расходы.

Коридорный с готовностью переключился на бытовые мелочи.

По его словам, Циньчжоу был краем зажиточным, а потому и цены здесь кусались. К примеру, взрослому мужчине только на пропитание требовалось тратить не меньше тридцати-пятидесяти медников в день.

А если вздумается обзавестись приличным платьем? Чтобы сшить новый наряд из хорошей ткани, со всей подобающей обувью и убором, придётся выложить никак не меньше двух связок монет.

Простой люд, конечно, обходился своими силами — бабы сами ткали полотно да обшивали семью. Кому же одежда нужна была срочно, те спозаранку шли на рынок за подержанным платьем — так выходило куда дешевле.

Да и в столице жизнь не сахар, там припасы ещё дороже.

Коли уж твёрдо решил податься в столицу, медлить нельзя. Скоро поднимутся зимние ветры, закружат метели, и дороги станут непроходимыми.

Путь от Циньчжоу до столицы неблизкий — больше тысячи ли, и удобнее всего добираться по воде. Извилистая река Линьцзян несёт свои воды напрямик к цели. Миновав Южный и Северный тракты Пинху, путник достигает округа Цзяньань...

— Премного благодарен тебе за рассказ, братец, — мягко прервал его Фу Цанчжоу.

Немного поколебавшись, он выудил из дорожного узла несколько медных монет и протянул слуге.

— Ох, господин, к чему такие церемонии! — расплылся в улыбке коридорный, ловким и привычным движением пряча медь в рукав. Отношение его мгновенно стало ещё более подобострастным. — Коли понадобится ещё чего узнать или прислуживать нужно будет — только позовите, вмиг прибегу!

Фу Цанчжоу вежливо кивнул и качнул головой, давая понять, что разговор окончен.

С него довольно расспросов, иначе недолго и выдать себя неосторожным словом. Да и полагаться на слова одного лишь трактирного служки не стоило. Вот очнётся ночью настоящий Учёный Фу, тогда можно будет расспросить его обо всём поподробнее, не опасаясь подозрений.

Служка, оказавшийся малым весьма сметливым, тут же поклонился и бесшумно выскользнул за дверь.

Заперев дверь на засов, Фу Цанчжоу окинул взглядом скромную обитель и остановил взор на глиняном горшке, примостившемся на краю маленького стола.

Тонкие деревянные перегородки почти не глушили звуки — из соседних каморок доносился негромкий гул голосов.

Он склонился к дикой траве, сиротливо росшей в горшке, и едва слышно позвал:

— Учёный Фу... Эй, сючай...

Ответа не последовало.

Фу Цанчжоу молча вздохнул.

Удивляться было нечему. Хоть душа покойного учёного и зацепилась за этот мир, не успев рассеяться, сил в ней почти не осталось. При свете дня он не мог даже подать знака.

Что ж, сейчас ему ничем не помочь.

Юноша вернулся к постели и принялся разбирать пожитки, бережно разложив дорожный узел.

Прикидывая в уме услышанное от слуги, он тщательно пересчитывал оставшиеся средства.

Все эти вещи, одежда, деньги на оплату комнаты — всё это принадлежало не ему.

Это был щедрый дар Учёного Фу.

Плата за то, что он помог предать его брренное тело земле.

Став бездомным призраком, несчастный учёный больше не нуждался в земных благах и со спокойным сердцем отдал всё новому знакомцу, дозволив к тому же назваться его именем.

Сам Фу Цанчжоу чувствовал себя неловко от того, что столь бессовестно поживился чужим добром.

Но выбора не оставалось. Он очутился в чужом мире без гроша за душой, да ещё и без всяких бумаг.

Хотя на нём и красовалось даосское одеяние, выглядевшее неброско, но изысканно, его таинственное происхождение внушало опасения. Продать такую вещь ради горсти монет он бы ни за что не решился. Да и другой одежды у него всё равно не было — не ходить же нагишом.

К счастью, его собственное присутствие приносило покойнику немалую пользу, что хоть как-то оправдывало этот невольный грабёж.

По словам сюэца, таинственная энергия — некое «дыхание», окутывавшее тело пришельца, — питала его призрачную суть, не позволяя душе окончательно угаснуть.

Сам Фу Цанчжоу до сих пор не смыслил ничего в особенностях своего нового естества, но способность временно оборачиваться призраком и полное отсутствие слабости, когда сюэца «пил» его энергию, заставили его отбросить лишние сомнения и забрать бедолагу с собой.

Раз уж судьба вернула ему человеческий облик, он страстно желал жить как подобает нормальному человеку.

А для этого в первую очередь требовались законное имя и хоть какие-то средства.

За этими размышлениями он закончил пересчёт.

Запасную одежду сюая пришлось закопать вместе с телом хозяина.

В узле остались лишь кисти, тушечница, несколько книг да подорожная грамота — официальное удостоверение личности.

Помимо этого, нашлось полсвязки медных монет — штуки триста или четыреста, и стопка казённых ассигнаций разного достоинства:

Две — по десять лан серебра;

Три — по пять лан;

Две — по три ляна;

Один мелкий билет на десять медников;

И ещё восемь ассигнаций достоинством в одну связку монет каждая.

На первый взгляд — целое состояние. Но ведь это были все деньги, что остались у Учёного Фу после распродажи семейного имущества.

Правда, если верить слухам, учёным его степени полагалось ежегодное казённое содержание рисом.

Но если приличное платье стоит целых две связки монет, с таким запасом он очень скоро положит зубы на полку.

Конечно, Фу Цанчжоу смутно догадывался, что его нынешняя природа вряд ли позволит ему умереть с голоду в прямом смысле слова. Но пока он ходит по земле как живой человек, без презренного металла не обойтись.

По крайней мере, желудок у него работал исправно. Все эти дни он перебивался сухими остатками дорожных лепёшек Учёного Фу, и постоянное чувство голода изрядно досаждало ему. Это было крайне неприятно.

Придётся решать проблемы по мере их поступления.

Жить на постоялом дворе долго не получится. Возвращаться в Цзянань — родные края сюая — нельзя. Мало того что отцовский дом продан, так там ещё и каждая собака знала прежнего хозяина этого имени.

Оставалось одно: следовать первоначальному замыслу покойного и пробираться в столицу.

Пусть расходы там велики, но сюай упоминал, что на окраине столичного града у его семьи сохранилось несколько му родовой земли.

Заброшенному в чужие края скитальцу жизненно необходим свой угол, где можно пустить корни. И если уж копить знания для сдачи экзаменов не под силу, то возделывать пашню он как-нибудь приноровится. На нескольких му земли всегда можно вырастить горсть риса на пропитание.

К тому же учёные степени освобождали от уплаты налогов и податей!

Аккуратно увязав дорожный узел, Фу Цанчжоу решил выйти наружу.

Последние дни он словно пребывал во сне. Теперь, когда душевное смятение понемногу улеглось, а солнце ещё стояло высоко, следовало пройтись по улицам Циньчжоу и своими глазами поглядеть на этот древний мир.

Но прежде всего нужно было сытно пообедать.

Брюхо подвело не на шутку.

В трактире он заказал жирную мясную похлёбку, тарелку тушёных овощей, выпил до последней капли наваристый бульон, умял три огромных чаши варёного риса, потребовал ещё две порции лапши и в довершение запихал в себя несколько пышных паровых пирожков с мясом.

Фу Цанчжоу диву дался!

Собственный волчий аппетит не на шутку испугал его.

Однако размышлять о том, с каких это пор его желудок превратился в бездонную бочку, не хотелось.

Причина была проста...

В животе по-прежнему сиротливо урчало, и он чувствовал, что с лёгкостью приговорил бы ещё парочку таких столов.

Юноша лишь горестно вздохнул про себя.

«Тяжела ты, доля попаданца...»

Если так пойдёт и дальше, на одну только еду в день будет уходить добрая сотня медников!

И как прикажете выживать при таких расходах?!

<http://bllate.org/book/19708/2001237>